

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОДНОЙ ИЗ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Зелик кандидат юридических наук, доцент, Южный институт менеджмента
Виталий (350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 216).
Анатольевич E-mail: vzelik@mail.ru

Аннотация

Автором предлагается обсуждение понятия экстремизма и экстремистской деятельности с позиций социальной, политической и правовой направленности относительно сформировавшегося явления и отдельно совершаемых фактов.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, национальная безопасность, социальная деструктивность.

Раскрытие проблем развития экстремизма имеет широкую исследовательскую перспективу в вопросах обеспечения национальной безопасности, поскольку само по себе рассматриваемое явление находится в непосредственной взаимосвязи с центральными аспектами структурной организации российского общества. И одним из важных вопросов в данном случае является состояние современной политико-правовой сферы, а именно теоретическая определенность самого понятия экстремизма. Современные исследователи так и не пришли к однозначной трактовке данного термина, что приводит к возникновению многочисленных расхождений в определении статуса конкретных социальных явлений. Так, в частности, российский закон «О противодействии экстремистской деятельности» [1], являющийся одним из важнейших правовых оснований противодействия проблеме экстремизма в Российской Федерации, обнаруживает существенную неполноту, и в тоже время допускает многообразие трактовок, что существенно снижает эффективность применения закона. Поэтому необходимо создание адекватно-логического определения явления – экстремизма с позиций политико-правового понятия, на основании которого проводить анализ складывающейся ситуации и формирование эффективной системы мер противодействия.

Отдельного внимания заслуживает проблема оценки современно состояния и динамики развития преступности экстремистской направленности, так как экстремизм представляет собой выход социальной деструктивности на принципиально новый уровень. Конечно, можем говорить о том, что общество имеет ряд защитных функций, направленных на ослабление и гашение негативных тенденций, но этого в современных «развивающихся экстремистских» условиях уже не достаточно [2]. Поэтому в этом отношении представляет исследовательский интерес рассмотрение динамического аспекта развития экстремизма, как на общетеоретическом уровне, так и в приложении к современной социокультурной данности. И здесь необходимо комплексное исследование данной проблемы, что позволит не только оценить степень эффективности защитных функций современного российского общества, но и произвести прогноз дальнейшего развития ситуации посредством построения динамической модели исследования экстремизма.

Кроме того, для создания завершенной политико-правовой картины состояния современного экстремизма, необходимо теоретическое отражение не только его динамики, но и уровня развития исследуемых его процессов. Однако исследование динамики развития экстремизма обнаруживает явную недостаточность, поскольку отражает только аспект роста, или, напротив, сокращения числа фактов преступлений экстремистской направленности. Но все ли происходящие события с признаками экстремистской направленности можно считать таковыми преступлениями, и, наоборот, всегда ли

в расследуемых преступлениях устанавливается признак экстремистской направленности. Вместе с тем, нулевая динамика может иметь место как на уровне стабильного и благополучного общества, что отражает эффективность его структурно-функционального устройства, так и на уровне общества, пребывающего в состоянии кризиса. Поэтому изучение интенсивности деструктивных процессов

в современном российском обществе способствует определению глубины развития негативных тенденций и общему определению эффективности государственной политики. Поэтому, приступая к определению состояния современного российского общества относительно опасности экстремизма и выявления уровня развития преступности экстремистской направленности, необходимо определить критерии, на основании которых производить выборку фактического материала. Это означает, что постановка и разрешение проблем национальной безопасности от экстремизма, требуют формирования первоначальной понятийной определенности.

Обратимся к нормативным документам – так в соответствии с федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» [1], экстремизм трактуется, как «насилованное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии», где стерты отличия между экстремизмом, как явлением, и как отдельным правонарушающим фактом.

Таким образом, на правовом уровне не находит отражения родовое понятие экстремизма, но и вместе с тем, предлагается перечисление основных форм его проявления, что в результате не отражает проблем полноты отражения на правовом уровне деструктивных явлений, имеющих непосредственное отношение к развитию экстремизма в обществе.

На данную позицию указывает профессор Кубякин Е.О., говоря, что в современной социально-правовой практике отсутствует разделение понятий экстремизма и экстремистской деятельности. В результате происходит сужение экстремизма до сферы его проявления, что представляет собой существенную теоретическую редукцию [3].

Проблема определения экстремизма, как социального и политико-правового явления, связана с критериями, на основании которых можно подводить определенный ракурс явлений под данное понятие. На общем уровне исследования экстремизма, как деструктивной деятельности, направленной на разрушение социальной структуры, позволяет при ближайшем рассмотрении проблемы увидеть, что само по себе выявление социальной деструктивности связано с существенной теоретической проблемой – определением социальной структуры, в отношении которой можно рассматривать конструктивный, или, напротив, разрушительный характер социальной активности [4]. Одна и та же деятельность может иметь последствия, негативные для одной сферы общественной организации и позитивные для другой. Сложно судить о безусловно конструктивной социальной деятельности, и точно такие же затруднения обнаруживаются при попытке охарактеризовать определенную активность в качестве безусловно деструктивной. Иными словами, существует определенная идеально-полярная модель, в которой крайними точками являются конструктивная и деструктивная формы социальной активности. В действительности все социальные явления оказываются между этими идеальными «полюсами» и носят сложный, противоречивый характер. На этом основании актуализируется вопрос о том, на каких основаниях вообще можно определять определенную деятельность в качестве экстремистской? Ведь, действительно, наличие негативных последствий отдельных действий делает, по сути, практически все формы социального поведения в различной степени деструктивными. Отсутствие четкой грани между конструктивной и разрушительной формами социальной активности делает проблему определения экстремизма сложной и противоречивой. Такой критерий определения экстремизма, как сознательная направленность на разрушение социальной структуры, выводит за рамки рассмотрения все факты неосознанного вовлечения человека в действия и процессы, ведущие к разрушению существующего социального порядка.

Таким образом, либо необходимо крайне сузить спектр явлений, подпадающих под категориальную определенность понятия «экстремизм», либо произвести теоретико-методологическое разделение между собственно экстремистской деятельностью и активным формированием предпосылок раз-

вития экстремизма в обществе. В таком случае, например, публичное выражение недовольства существующей социальной ситуацией, не будучи явным проявлением экстремизма, на деле представляет собой процесс активного формирования предпосылок его развития. Поэтому сами по себе преступления экстремистской направленности представляют собой лишь часть сферы проявления экстремизма, как явления.

Вместе с тем, возникает вопрос о том, каким образом характеризовать деятельность экстремистской направленности. И наиболее простой путь видится в том, чтобы рассматривать исключительно формы деструктивной деятельности, трактуемые, как экстремистская деятельность в рамках действующего законодательства [4]. Однако с учетом расширенного рассмотрения экстремизма, предполагающего целенаправленный характер деструктивной социальной деятельности (зачастую носящей организованный характер), ряд преступных деяний, не рассматриваемых в непосредственной связи с тематикой экстремизма (напр., бытовые преступления или отдельные уголовные преступления, в частности – совершение хищения имущества или предумышленное убийство) может быть мотивировано экстремистской направленностью деятельности. Так, например, бытовое насилие может быть вызвано конфликтом социальных позиций, что не находит отражения в рамках современного делопроизводства, и, соответственно, не может быть статистически зарегистрировано. Отсюда проистекает следующая проблема: для полноты изучения уровня преступлений, имеющих экстремистский характер, необходимо расширенное рассмотрение экстремизма, как социального явления, а также определение мотивов конкретных преступлений и их статистический учет.

Литература

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // URL: <http://base.garant.ru/12127578/>
2. Вайле С.П. Экстремизм в современной России: тенденции и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1 (19). С. 59–62.
3. Кубякин Е.О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. Краснодар, 2014. 155 с.
4. Плотников В.В. Дисфункциональный кризис социальных институтов и локальная угроза национальной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 19–22.

Zelik Vitaly Anatolyevich, candidate of historical sciences, associate professor; Southern institute of management (216, Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation). E-mail: vzelik@mail.ru

POLITICAL AND LEGAL QUESTIONS OF THE ASSESSMENT OF EXTREMIST ACTIVITY AS ONE OF PROBLEMS OF THE HOMELAND SECURITY OF RUSSIA

Abstract

The author offers discussion of concept of extremism and extremist activity from positions of a social, political and legal orientation of rather created phenomenon and separately made facts.

Keywords: *extremism, extremist activity, homeland security, social disruptiveness.*

References

1. Federal'nyj zakon ot 25 ijulja 2002 g. № 114-FZ «O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti» // URL: <http://base.garant.ru/12127578/>
2. Vajle S.P. Jekstremizm v sovremennoj Rossii: tendencii i perspektivy // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 1 (19). S. 59–62.
3. Kubjakin E.O. Osnovaniya sociologicheskogo obosnovanija fenomena jekstremizma. Jekstremparanntnost'. Krasnodar, 2014. 155 s.
4. Plotnikov V.V. Disfunkcional'nyj krizis social'nyh institutov i lokal'naja ugroza nacional'noj bezopasnosti // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiija. 2014. № 19. S. 19–22.